

УДК 323.2

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЕТИ КАК МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

З.А. Джаныбекова

Раскрываются особенности сетевой модели взаимодействия государства и общества.

Ключевые слова: политические сети; концепция “железных треугольников”; сетевой ландшафт; политическое представительство интересов; домодерные, современные, постмодерные социальные сети.

POLITICAL NETWORKS AS MODEL OF INTERACTION OF THE STATE AND SOCIETY

Z.A. Djanybekova

It is revealed the features of network model of interaction of the state and society.

Keywords: political networks; concept of "iron triangles"; network landscape; political representation of interests; domoderny, moderny, postmodern social networks.

Особенности взаимодействия государства и общества, групп интересов и государства сегодня рассматриваются и анализируются в рамках сетевого подхода, получившего широкое распространение в последние годы. Его зарождение связано с именем М. Кастельса, автора трехтомной работы “Информационная эпоха: экономика, общество и культура” (1996–1998), посвященной анализу процессов формирования и функционирования сетевого общества и оказавшей огромное влияние на современные социальные науки [1].

Исследователи отмечают, что данный подход является относительно молодым, новым, но при этом его оформление стало возможным благодаря предыдущим теоретическим разработкам и исследованиям. Так, идея о том, что в обществе представлены сети, появилась в социальных науках еще в 1940–1950-е гг. В это время данная идея использовалась при анализе межперсональных взаимоотношений и взаимосвязей в областях, находящихся на стыке социальной психологии, социологии и теории организации.

Затем, в 1960–1970-е гг., эта идея начинает применяться в политологических исследованиях, в частности, при анализе государственно-публицистической политики. При этом для продвижения и утверждения сетевого подхода в политической науке можно выделить две предпосылки теоретического характера: сетевой анализ, который пришел из смежных социальных дисциплин и концепцию “железных треугольников”, оформившуюся в рамках самой политической науки.

Концепция “железных треугольников” оформляется в 1960-е гг. Она явилась непосредственной предшественницей сетевого подхода. Данная концепция предлагала модель взаимодействия групп интересов и государства, которая характеризовалась как стабильное структурное образование, состоящее из членов профильных комитетов или подкомитетов, отраслевых административных ведомств и лоббирующих групп интересов, действовавших в одной политико-управленческой сфере (в обороне, здравоохранении, энергетике и т. д.). Модель “железных треугольников” отличают ограниченный допуск новых членов, корпоративная солидарность, захват и “тихое” распределение между своими участниками ключевых ресурсов общества в той или иной области.

В 1970–1980-е гг. оформляется целый ряд направлений в рамках сетевого подхода к анализу государственной политики: концепции политико-управленческих “сетей” Д. Ноука, “сообществ” Дж. Ричардсона, “потоков” Дж. Кингдона, “подсистем” П. Сабатьер и др. [2, с. 122–124].

Но все концепции в рамках сетевого подхода исходят из того, что государственное регулирование и управление общественными процессами становится все более сложным и комплексным. Это объясняется теми изменениями, которые происходят в современных обществах – усиление плюрализации общественных структур, сложность взаимоотношений между различными группами населения, высокий уровень общественных потребностей и ожиданий, большой масштаб не-

определенности и риска, возросшее влияние международного фактора на внутреннюю политику государства, информатизация общества, падение доверия населения к центральным органам управления [3, с. 41].

При этом политические сети характеризуются следующими особенностями: они объединяют как государственных, так и негосударственных акторов; политическая сеть складывается для выработки соглашений в процессе обмена имеющимися у ее акторов ресурсами, между участниками сети существует ресурсная зависимость; участников сети объединяет общий кооперативный интерес; отношения между участниками сети выстраиваются по горизонтали, это означает, что все они в равной степени могут оказывать влияние на выработку решения по интересующему вопросу; сеть представляет собой договорную структуру, состоящую из набора контрактов, возникающих на основе согласованных формальных и неформальных правил коммуникации, для политических сетей характерна культура консенсуса.

В последние несколько лет проблематика политических сетей находится в центре внимания российских исследователей, соответственно появляется достаточно много научных публикаций по этой проблематике именно в контексте взаимодействия сетевых образований с государством.

Так, российский исследователь Л.В. Сморгун характеризует политическую сеть как систему государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, которые взаимодействуют между собой на основе ресурсной зависимости с целью достижения общего согласия по интересующему всех политическому вопросу, используя формальные и неформальные нормы [3, с. 45–46].

Российские исследователи И.В. Мирошниченко и Е.В. Морозова, стремясь подчеркнуть возрастающее значение, роль и широкое распространение политических сетей в современном обществе, вводят категорию “сетевой ландшафт” для анализа сетевых образований.

По их мнению, сетевой ландшафт публичной политики представляет собой гетерогенную и динамическую структуру, интегрирующую все многообразие сетей в публичной политике, которые характеризуются плюралистичными основаниями самоорганизации и различными темпоральными характеристиками, обеспечивая преемственность социокультурной эволюции политической действительности. Сетевой ландшафт привязан к политическому пространству и отражает институциональные (формальные и неформальные) и коммуникативные (публичные и латентные) ха-

рактеристики сетевых конфигураций из разных слоев публичной политики [4, с. 98].

Данные исследователи выделяют важную тенденцию в современных обществах, сформировавшуюся под воздействием процессов сетевой активности гражданского общества. Происходит кризис традиционной системы политического представительства, которая теперь не отражает интересы тех социальных групп и общностей, которые возникли в результате деятельности сетей в социальной и экономической сферах общества. В результате в современной публичной политике происходит смена моделей и форм политического представительства, когда традиционные иерархические структуры политических институтов вынуждены меняться, так как испытывают затруднения, связанные с появлением множества властных центров и распылением информации; они начинают приспособляться к сетевым формам организации власти, действуя в соответствии с логикой сетевых коммуникаций.

Более того, отмечают российские исследователи, политические лидеры, политические партии и группы интересов начинают формировать и реализовывать собственную политическую стратегию сетевой политики. Например, в настоящее время, по их мнению, ни одна политическая партия не может быть достаточно самостоятельным политическим субъектом за пределами сетевой политики.

Для обеспечения легитимности и повышения конкурентоспособности традиционные политические институты, прежде всего государство, создают собственные или же возглавляют уже созданные сетевые структуры гражданского общества. С другой стороны, структуры сетевого гражданского общества стремятся включить традиционные политические институты, создавая смешанные формы политического представительства [4, с. 101–102].

Когда только оформился сетевой подход, было принято считать, что он актуален для анализа коммуникативных процессов в постиндустриальном обществе и демократической практики современных государств [3, с. 39–40]. Но современные исследования по проблематике политических сетей демонстрируют более широкие возможности применения сетевого подхода, который применим не только для анализа процессов в современных, постиндустриальных обществах, но и в обществах традиционных, индустриальных, а также в переходных.

Так, исследователи пришли к выводу, что политические сетевые структуры, под влиянием существующих институциональных особенностей и политико-культурных традиций в обществе,

могут приобретать различные формы. Например, в странах Южной Европы сети в публичном управлении формируются на основе патрон-клиентарных отношений, что способствует сращиванию политико-административной элиты с преступными группировками; сети становятся каналами теневого лоббирования и коррупции.

В странах Центральной и Восточной Европы политические сети представляют собой неформальные коалиции старой и новой политической элиты, стремящихся контролировать политическое пространство [4, с. 104].

Более того, как отмечают ученые, многообразие сетей в современном мире, с учетом особенностей и характеристик традиционного, индустриального и постиндустриального обществ, позволяет выделять такие типы социальных сетей, как домодерные, модерные, постмодерные.

Социальные домодерные сети характерны для традиционной патриархальной сельской периферии Южной Европы, России, Азии и Латинской Америки, с анклавными образованиями сетевых сообществ Африки, в которых доминируют сильные кланово-тейповые и этноконфессиональные связи. Коммуникация в них выстраивается на основе личных неформальных связей, соседских и дружественных отношений, которые люди используют в повседневных жизненных стратегиях адаптации, чаще всего нацеленных на физическое выживание и сохранение привычного уклада жизни. Домодерные сети создают крепкие, внутренне сплоченные, но закрытые общности.

Другой тип, модерные социальные сети, характерны для городов-мегаполисов и крупных индустриальных городов. Они также характерны для самых разных стран и регионов современного мира, соответствующих характеристикам индустриального общества. Такие сети формируются в условиях высокой концентрации населения, развитой информационно-коммуникационной инфраструктуры и плюралистичной системы социального взаимодействия, основанного на экономическом, культурном и информационном многообразии групповых интересов. В мегаполисах при решении различных проблем индивид вынужден взаимодействовать с разнообразными группами на основе институционализированного доверия, выходящего за круг крепких связей межличностного общения.

Модерные сети, или сети гражданского участия, в отличие от домодерных сетей, преодолевают социальные разрывы, стимулируют более широкое сотрудничество в рамках всего общества, в том числе ориентируясь на сотрудничество с органами публичного управления.

В то же время, модерные сети могут включать анклавные постмодерных социальных сетей, в которых индивиды отличаются высоким уровнем социального воображения, основанного на знаниях, и рефлексивной включенности в публичное пространство, что способствует образованию дискурсивных сообществ с высоким потенциалом политизации, но существующих в информационном пространстве Интернета. Такие сети возникли в результате индивидуальной модернизации граждан в условиях формирования нового сетевого образа жизни в глобальных масштабах. Соответственно, такие анклавные постмодерных социальных сетей мы можем наблюдать в самых разных странах и регионах современного мира, в том числе в тех, в которых преобладают традиционные отношения и связи.

Благодаря образованию постмодерных социальных сетей в конце 2000-х гг. в ряде стран стали стихийно возникать новые социальные движения. Такой тип сетей возникает снизу и исходит из конкретных проблем, когда граждане вынуждены самостоятельно инициировать их решение, исходя из собственных интересов [4, с. 108–110].

В реальной жизни, в специфических условиях той или иной страны, имеет место переплетение, сочетание этих трех видов сетей. Поэтому сегодня научные интересы исследователей направлены на исследование и выявление разнообразных вариантов сочетания “старых” и “новых” сетей в определенных странах или, в рамках компаративистских исследований, в различных странах.

Несомненно, исследования в этом направлении актуальны и для Кыргызстана. Учитывая характеристики домодерных, модерных, и постмодерных социальных сетей, в Кыргызстане можно отметить представленность всех этих трех типов сетей. Но в целом, налицо недостаточность исследований по этой проблематике.

В проекции на Кыргызстан можно выделить несколько аспектов востребованности применения сетевого подхода: взаимосвязь, взаимовлияние традиционных связей и отношений с государственными органами и в целом с системой государственного управления; использование сетевого принципа организации и работы в деятельности политических партий; деятельность некоммерческих организаций (НКО), их взаимодействие с государственными органами, механизмы, используемые НКО для воздействия на процесс принятия решений.

На сегодняшний день можно выделить только один из этих аспектов – деятельность НКО и их взаимодействие с органами государственной власти, по которому ведутся исследования в Кыргыз-

стане. Так, в 2014 г. был опубликован отчет Национального института стратегических исследований “Неправительственные организации и процессы принятия решения органами власти”, в котором М. Тюлегенов, автор отчета, отмечает, что хотя вовлечение НПО в процессы принятия решений в Кыргызстане в определенной степени институционализированы, но пока еще не устойчивы. Существуют общественные наблюдательные советы, практика вовлечения НПО в рабочие группы, мониторинг НПО деятельности государственных органов, совместное обсуждение альтернативных докладов, которые готовятся неправительственными организациями, однако в целом политика государства по отношению к сектору в целом и в частности, к его роли в системе государственного управления остается не четко сформулированной и не воспринимается неправительственными организациями как ясно выраженная политика [5, с. 5].

Вопрос о том, какой должна быть стратегия государства в условиях сетевой активности различных акторов, является особенно актуальным для Кыргызстана и нуждается как в исследованиях, так и в выработке оптимальной государственной политики в этом направлении.

Литература

1. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture: The Rise of the Network Society. Malden (Ma.). Oxford: Blackwell Publ., 1996; *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture: The Power of Identity. Malden (Ma.). Oxford: Blackwell Publ., 1997; *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture: End of Milenium. Malden (Ma.). Oxford: Blackwell Publ., 1998.
2. *Дегтярев А.А.* Принятие политических решений: учеб. пособ. / А.А. Дегтярев. М.: КДУ, 2004.
3. Государственное управление и политика: учеб. пособ. / под ред. Л.В. Сморгунова. СПб.: изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002.
4. Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования: научная монография / редколл. И.С. Семенов (отв. ред.), В.В. Лапкин, В.И. Пантин. М.: ИМЭМО РАН, 2014.
5. Неправительственные организации и процессы принятия решения органами власти: отчет НИСИ. Бишкек, 2014.